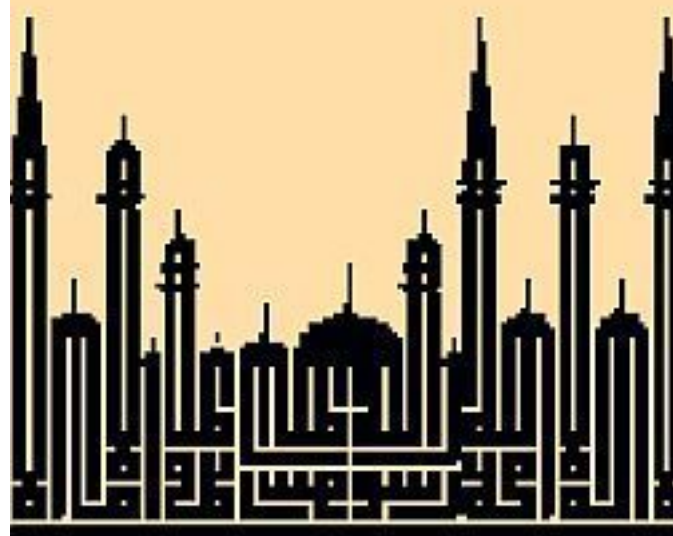

**По следам
Азербайджанской
Демократической
Республики**

Михаил Волковский
Вадим Мухомов

Михаил Волхонский

**По следам Азербайджанской
Демократической Республики**

«Европа»

Волхонский М.

По следам Азербайджанской Демократической Республики /
М. Волхонский — «Европа»,

Наше знание текущих процессов в Закавказье неглубоко, а не столь уж давнее прошлое новых независимых государств вообще неизвестно. Однако необходимо понимать, на каком историческом фундаменте грузинские, армянские и азербайджанские историки выстраивают сейчас образ прошлого, с энтузиазмом выполняя политический заказ. Вместо объективного исследования в бывших советских республиках доминирует процесс создания новых исторических мифов. Ведущим предметом мифотворчества является процесс образования независимых государств после распада Российской империи. В книге представлен очерк истории первых попыток сформировать азербайджанскую государственность и связать тюркское самосознание с азербайджанской идентичностью. Опираясь на твердо установленные факты, авторы доказывают, что все эти попытки оказались тщетными в том силовом поле, что было сформировано интересами Турции, Англии, Советской России и идеализмом президента США Вильсона.

© Волхонский М.

© Европа

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава первая	8
В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	8
ЗИМА И ВЕСНА 1917 ГОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	13
МУСУЛЬМАН ЗАКАВКАЗЬЯ	
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Михаил Волхонский

Вадим Муханов

По следам Азербайджанской Демократической Республики

ВВЕДЕНИЕ

После распада Советского Союза образовалось множество новых независимых государств, каждое из которых имеет свою давнюю историю взаимоотношений с бывшей метрополией, насыщенную весьма драматическими коллизиями. Не является здесь исключением и современный Азербайджан, ведущий отчет своей государственности с момента образования Азербайджанской Демократической Республики в 1918 году.

Территория этой страны находилась на землях бывших мусульманских ханств, присоединенных к России в первой трети XIX века в ходе двух русско-турецких и русско-персидских войн (1806–1812, 1828–1829; 1804–1813, 1826–1828). По условиям Туркманчайского (1828) и Адрианопольского (1829) мирных договоров территория Закавказья признавалась за Россией. В течение 1804–1806 годов под контроль России попали Гянджинское, Шекинское, Карабахское, Кюринское, Кубинское, Ширванское и Бакинское ханства. По Гюлистанскому миру 1813 года, завоеванному для России штыками солдат генерала Петра Котляревского, к империи отошло и Талышское ханство с центром в Ленкорани. В рамках первоначального территориального разделения бывшие феодальные образования были преобразованы в провинции и округа. Появились Бакинская, Кубинская, Шекинская, Ширванская, Карабахская и Талышская провинции, Елизаветопольский (бывшее Гянджинское ханство) и Джаро-Белоканский округа, а также две дистанции – Казахская и Шамшадильская. Четко и ясно определил результат вхождения этих территорий в состав Российской империи известный общественный деятель XIX столетия Мирза Фатали Ахундов: «...Благодаря покровительству русского государства мы избавились от имевших место в прошлом бесконечных нашествий и грабежей захватнических полчищ и обрели наконец покой».

В тот период названия «Азербайджан», объединявшего бывшие мусульманские ханства в составе Российской империи, не существовало. На карте существовал только Южный Азербайджан – одна из провинций Ирана. Понятно, что говорить о каком-то компактном проживании мусульманского населения в рамках одного или двух государственных образований в тот период не стоит. Впервые такое образование появилось в границах одной территориальной единицы в результате российской административной реформы на Кавказе, прошедшей в 1840-е годы – в ходе первичного территориально-административного разделения Закавказского края на карте возникла Шемахинская губерния, впоследствии переименованная в Бакинскую. Именно она стала колыбелью азербайджанского национального движения и базовой территорией Азербайджанской Демократической Республики в начале XX века.

Бакинская губерния образовалась в 1859 году после перевода губернского центра из сейсмически неустойчивой Шемахи в Баку. Как справедливо отмечается в советском академическом издании «История Азербайджана», «превращение Баку в губернский город сыграло немалую роль в его дальнейшем росте». Действительно, это решение кавказского наместника князя А.И. Барятинского оказалось судьбоносным как для Баку, так и для всего Азербайджана в целом. Именно с этого времени можно вести отчет начала единения мусульманского населения Закавказья. Напомним, что в имперский период разделения по национальному признаку

не существовало, имелись только конфессиональные различия, в силу которых можно говорить о преобладании мусульманского или татарского, как его часто называли тогда, населения в губернии. Оно стало постепенно идентифицировать себя азербайджанской нацией, ставшей титульной в XX столетии.

Заметный в последнее время интерес к событиям революции и Гражданской войны в России и начавшаяся их переоценка объясняются повышенным спросом населения на хорошие исторические параллели. И как раз события 1990-х годов на Южном Кавказе, связанные с превращением советских республик – Азербайджана, Армении и Грузии – в суверенные государства, невольно вызывают воспоминания о событиях 1917–1921 годов. Это тем более актуально, что подобные аналогии стали излюбленной темой рассуждений современных политических лидеров государств Южного Кавказа, утверждающих, что именно в тот период были заложены основы современной государственности их стран, а также получен «бесценный» опыт построения европейской демократии. Среди прочих приводится пример Азербайджанской Демократической Республики, просуществовавшей чуть менее двух лет – а точнее, 23 месяца.

Следует подчеркнуть, что развал СССР привел к исчезновению не только геополитического, но и когда-то единого интеллектуального пространства историков, занимавшихся исследованием исторических судеб народов, населявших советскую империю. В получивших только что независимость республиках бывшего Союза историки и политологи тут же получили целенаправленный заказ со стороны правящих элит на историческое обоснование приобретенного суверенитета и государственности, а также на разоблачение «фальсификаций» советской науки.

Безусловно, поводов для пересмотра многих положений и трактовок истории народов СССР предостаточно, но стоит отметить тот факт, что вместо объективного исследования спорных вопросов в бывших советских республиках получил преобладание процесс создания новых исторических мифов. Естественно, одним из главных объектов мифотворчества стала тема образования независимых государств после распада Российской империи. Это вполне понятно, если учесть, что именно небольшой период с 1917 по 1922 год стал для большинства государств на пространстве СНГ точкой отсчета истории их государственности. Не обошли своим вниманием эту тему азербайджанские политическая и интеллектуальная элиты.

В современных работах кавказских исследователей Азербайджанская Республика 1918–1920 годов изображается как молодое, но уже сильное и вполне независимое государство. На страницах новейших исследований перед читателем разворачивается история закономерного процесса строительства азербайджанской государственности, являющегося логическим результатом объективного процесса исторического развития и ожидаемым итогом борьбы партии «Мусават» и азербайджанского народа за национальный суверенитет.

Однако даже поверхностное знакомство с политической ситуацией в Закавказье того времени заставляет поставить под сомнение некоторые выводы азербайджанских исследователей. Сложным является вопрос об уровне развития, идеологическом багаже, агитационных и мобилизационных возможностях национального движения закавказских мусульман накануне Февральской революции. Важно также понять, насколько требования, выдвинутые лидерами этого движения в ходе революции 1917 года, соответствовали их реальным возможностям. Такого же рода вопросы можно адресовать и к периоду 1918–1920 годов.

Насколько вообще можно говорить о существовании в это время независимого суверенного государства под названием «Азербайджанская Республика»? Ведь в границах распавшейся Российской империи в этот период рождались и гибли многие эфемерные государственные образования. Почти все они были плодом усилий определенных внутренних и внешних сил, преследовавших свои политические цели в кровавом хаосе русской смуты. Общеизвестно, что в период с 1917 по 1920 год Закавказье стало ареной борьбы таких крупных международных игроков, как Германия, Турция, Англия, Франция и США. С учетом этих фактов

справедливо задать вопрос: не являлась ли Азербайджанская Республика всего лишь одним из подобных образований, возникшим в результате сложных политических игр и неожиданных комбинаций различного рода социальных и экономических факторов. Насколько население Азербайджана было консолидировано идеей независимого суверенного азербайджанского государства и насколько легитимными были органы власти молодой республики? Можно ли говорить о проведении правительства республики самостоятельной внутренней и внешней политики?

Ответы на эти острые вопросы позволят не только избавиться от создаваемого на наших глазах нового исторического мифа, но и более трезво воспринимать и оценивать современную политическую историю Азербайджана. В данной работе предпринята попытка объективно осветить положение дел на территории Азербайджана в то непростое время, показать место и роль новой республики в системе международных отношений, ее внутривнутриполитические мероприятия, общественно-политическую жизнь и экономическое положение.

Глава первая В БОРЬБЕ ЗА АВТОНОМИЮ

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. Процесс формирования национальной идентичности и национального самосознания у народов Российской империи, по общему мнению исследователей, тесно связан с начавшимися в 1860-е годы Великими реформами. Вызванные реформами процессы индустриализации, урбанизации, развитие системы образования и распространение печати постепенно начали охватывать окраины империи. Их прямым следствием стали существенные изменения в социальной структуре и образе жизни нерусского населения, что создавало необходимые предпосылки для формирования национальных движений. Постепенное изменение в течение 60-х – 80-х годов XIX столетия курса правительственной политики в отношении национальных окраин, бесспорно, оказалось дополнительным фактором, подстегнувшим развитие движений такого рода. Начавшаяся административно-правовая интеграция и языково-культурная унификация окраин подвергала испытанию традиционный образ жизни и самосознание как элиты, так и широких слоев нерусского населения.

В целом развитие национальных движений в пределах Российской империи неплохо укладывается в периодизацию эволюции подобных движений, разработанную чешским историком Мирославом Хрохом. В фазе пробуждения у небольшой группы местной интеллигенции возникает интерес к языку, истории, фольклору своего народа, в фазе агитации национальное сознание распространяется в широких слоях этого этноса, а в фазе массового движения народ охватывает идея национального единства и он мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость [1].¹ При наложении такой периодизации на процесс становления аналогичных движений в России замечается асинхронность смены фаз, что объясняется особенностями социально-политического, экономического и культурного развития.

Так, по мнению отечественного социолога Б.Н. Миронова, грузины как «старая нация» не нуждались в культурном пробуждении, поэтому в агитационную фазу они вступили сразу после периода Великих реформ. Армяне этап культурного возрождения прошли еще в XVIII веке, а в агитационную фазу вступили в конце XIX столетия. Что касается азербайджанцев, то культурную фазу они переживали в XIX веке, и только к 1905 году вошли в агитационную. При этом, как отмечает Миронов, в стадию политической мобилизации все три народа вступили одновременно в начале XX века, однако к этому времени азербайджанской интеллигенции не удалось полностью решить задачи культурного и агитационного периода. Поэтому в период обеих русских революций им пришлось действовать в ускоренном режиме: одновременно решать задачи по формированию национальной идеи, проведению агитации и политической мобилизации широких слоев населения.

ПАССИВНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ И РАБОЧЕГО КЛАССА.

По выражению немецкого исследователя Йорга Баберовски, «местом рождения нации является город» [2]. Для азербайджанской нации таким местом, бесспорно, является Баку, превратившийся в последней трети XIX века в крупнейший экономический центр Закавказья с мультиэтничным населением. Именно тогда к северу от этого города возникает гигантский нефтедобывающий район с сотнями буровых скважин и вышек. Бурное экономическое разви-

¹ В квадратных скобках указаны источники (см. примечания в конце каждой главы).

тие Бакинской и Елисаветпольской губерний привело к значительным изменениям в социальной структуре местного мусульманского (называемого чаще татарским) населения, в первую очередь к возникновению буржуазии и пролетариата.

Несмотря на изначально благоприятные условия рождения, отраслевые позиции татарской буржуазии оказались довольно слабыми, что объяснялось острой конкуренцией со стороны русского, армянского и зарубежного капитала. Наиболее напряженный характер носила конкурентная борьба между мусульманской и армянской буржуазией. Начавший формироваться значительно ранее, обладавший большим экономическим и политическим весом, армянский капитал стал доминировать во многих отраслях промышленности Закавказья. И все же отдельным мусульманским предпринимателям удалось разбогатеть и добиться значительного влияния: яркий пример – судьба крупного кавказского нефтепромышленника Г.З. Тагиева.

Вне экономической сферы влияние мусульманской буржуазии, по оценке Баберовски, оказалось также незначительным, что являлось следствием правительственной политики в сфере местного самоуправления. Введение представительной системы городского управления в 1878 году создало ситуацию жесткой межэтнической конкуренции. От преобладания в Городской думе представителей той или иной этнической группы зависел исход борьбы за раздел финансовых и прочих ресурсов. Однако правительство ограничило количество депутатов-нехристиан квотой в одну треть гласных думы. В 1892 году этот уровень был снижен до одной пятой, что привело к преобладанию армян в думах городов Баку, Елисаветполя и Шуши. Бросающееся в глаза несоответствие между численным преобладанием мусульман и ничтожностью их влияния в органах местного самоуправления усугубляло у татарской элиты чувство изолированности и враждебности к армянской общине.

Быстрое развитие промышленности в Бакинской губернии способствовало также формированию рабочего класса. Основная часть наемных рабочих рекрутировалась из представителей местного мусульманского сельского населения и отходников из Южного Азербайджана, которые в основном выполняли низкооплачиваемую и неквалифицированную работу. Пополнение рядов бакинского пролетариата шло и за счет русских и армянских отходников, претендовавших на более высокооплачиваемую работу. Этническая раздробленность рабочего класса приобретала черты социальной дифференциации и создавала основу для возникновения межэтнических столкновений. К примеру, в 1907 году на неквалифицированных рабочих местах в добывающей промышленности было занято более 70 % мусульман, тогда как доля русских и армян в этой категории составляла соответственно 10 и 16 %. Как отмечает Й. Баберовски, армянские рабочие стояли во главе пролетарской иерархии. Они чаще, чем представители других этнических групп, владели высококвалифицированными профессиями в нефтеперерабатывающей и машиностроительной индустрии и часто занимали должности инженеров или десятников [3]. Неудивительно, что в случаях, когда русским армянам и мусульманам приходилось контактировать друг с другом во время производственного процесса, возникали конфликты.

Характерно, что, несмотря на активность различных социалистических партий в среде местного пролетариата, рабочие-мусульмане отличались аполитичностью, в большинстве случаев они не только отказывались от участия в революционном движении, но даже проявляли враждебность к зачинщикам забастовок. Например, в появившейся в Баку в 1904 году прокламации, обращенной к рабочим всех национальностей от имени «Мусульманского общества», заявлялось, что «мусульмане не желают принимать участия ни в каких антиправительственных демонстрациях и в случае, если их к тому будут принуждать силою, то они открыто станут на сторону правительства» [4].

По мнению немецкого историка, это было связано с тем, что рабочие-мусульмане не имели прочной связи с окружающей их в городе социальной средой. Этих людей в большин-

стве своем приковывало к месту работы лишь получаемое ими жалование, а участие в стачках грозило его потерей. По этой причине рабочие-мусульмане практически не принимали участия в стачках и демонстрациях [5].

Кроме того, различия в образе жизни, культуре, религии, системах мировосприятия разобщали рабочих разных национальностей. Агитаторы социалистических партий видели в приверженности рабочих-мусульман исламской традиции выражение отсталости и варварства. В результате стремление социалистов увязать борьбу за права рабочих с походом против мнимой отсталости ислама приводило только к отдалению рабочих данной конфессии от социализма. Большую роль в изоляции рабочих-мусульман от социалистического движения играли патриархальные традиции деревни, система патронажа. В чужом городе они не находили для себя никакой опоры. Только представители мусульманской интеллигенции и буржуазии могли оказать им поддержку и дать жизненные ориентиры. Их объединяли общее исламское мировоззрение и обостренное чувство обособленности, усугублявшееся пренебрежением со стороны представителей других конфессий.

АКТИВНОСТЬ МЕСТНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Пассивность буржуазии и рабочих в общественно-политической жизни компенсировалась активностью местной интеллигенции, которая заняла особое место в изменяющемся социуме закавказских мусульман. Татарская интеллигенция, как справедливо заметил Свентоховский, являлась продуктом контакта двух цивилизаций – европейской, представленной Российской империей, и традиционной исламской [6]. Попытка совместить мусульманские ценности с европейскими идеями просвещения и национализма привела к кризису старой идентичности и настойчивым поискам своего, особого, места.

Мусульманская интеллигенция, по мнению немецкой исследовательницы М. Аух, смогла нащупать несколько возможных вариантов самоутверждения. По-прежнему сохраняла свою актуальность иранская (шиитская) традиция. Другой альтернативой являлось обращение к тюркскому языковому и этническому наследию. В данном случае культурным ориентиром должна была служить Турция с ее опытом европейской модернизации. Третья возможность виделась в акцентировании собственного местного тюркского – азербайджанского – своеобразия [7]. Осознание этих альтернатив и возможностей, которые они открывали, заняло всю вторую половину XIX века.

Первое поколение интеллигенции, ярким представителем которого был Мирза Фатали Ахундзаде, находилось под явным влиянием иранской культуры. Второе же поколение, сформировавшееся в 1870-е годы, все чаще стало обращаться к традициям тюркской культуры. В 1875 году учитель бакинской гимназии Гасан-бек Зардаби начал издавать в Баку газету «Экинчи» («Пахарь») – первый тюркоязычный печатный орган в России. На страницах газеты он проповедовал антиклерикальные идеи европейского просвещения. Его деятельность фактически означала начало артикуляризации тюркской идентичности интеллигенции. Однако местные литераторы, избравшие своим языком персидский, враждебно встретили попытки Зардаби использовать тюркский «непечатный язык простого люда». Особенно яростной критике подвергалась его идея об идентификации местного тюркского с османским языком.

На идейные поиски мусульманской интеллигенции большое влияние оказали труды уроженца Ирана писателя Гаджи Сайида аль-Афгани, предложившего совместить ислам с некоторыми достижениями европейской цивилизации. По мнению аль-Афгани, людей связывает в нацию два фактора – единство языка и религии. Базируясь на этих идеях, Исмаил Гаспринский, основатель пантюркистского движения в России, в своей газете «Терджуман» («Переводчик»), выходившей с 1883 года в Бахчисарае, проповедовал духовное, языковое и культурное единение всех тюркских народов в рамках единой империи.

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. Подъем пантюркизма обострил процесс поиска национальной идентичности среди мусульманской интеллигенции Закавказья. В 1891 году в газете «Кешкюль» было опубликовано фиктивное интервью с неким южнокавказским мусульманином. В нем четко проводилось различие между понятиями местной религиозной общины и национальностью, все еще обозначавшимися единым словом «миллет». Развивая свою мысль, редакция газеты предлагала ввести термин «азербайджанские турки» для обозначения тюрок-мусульман, живущих по обе стороны ирано-российской границы. Таким образом была сделана первая попытка связать тюркское самосознание с местной азербайджанской идентичностью.

Революция 1905–1907 годов дала первый политический опыт местной буржуазии и интеллигенции в виде участия в общероссийском освободительном движении. Ядром азербайджанского либерализма стали представители мусульман в Бакинской думе, которые свои позиции озвучивали на страницах газеты «Каспий» (редактор – один из будущих лидеров Азербайджанской Демократической Республики Али Марданбек Топчибашев). Местные либералы активно участвовали в деятельности всероссийского мусульманского движения, в первый раз выдвинув требования гражданского и религиозного равноправия, а также культурной автономии для закавказских мусульман.

Другого рода опыт – мобилизация широких слоев мусульман Закавказья – получен в период развернувшегося в то время острого этнического конфликта армянской и мусульманской общин Закавказья. «Вообще, армяно-татарские столкновения сыграли весьма крупное значение в развитии среди Закавказских мусульман общественного движения, – говорилось в секретном докладе канцелярии наместника на Кавказе. – Печальные события 1904–1905 годов послужили тем решительным толчком, который заставил инертные до того мусульманские массы зашевелиться, предпринять шаги к объединению мусульман против других народностей края и, наконец, формулировать, через посредство своей интеллигенции, в виде более или менее определенной политической программы пожелания мусульманского населения Закавказского края» [8].

ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ. На почве армяно-татарских столкновений появились и первые политические партии мусульман Закавказья. В середине 1906 года в Баку образовалась партия «Дифаи» («Оборона»), которую возглавили Ахмед-бек Агаев, Мамед Гасан Гаджинский и другие. Главной целью партии стала защита мусульманского населения от армянских боевиков и произвола местной администрации путем террора. В то же время в Елизаветполе возникла организация социалистов-революционеров националистического толка «Гейрат» («Честь»), во главе которой стояли Насиб-бек Усуббеков и Алекпер-бек Рафибеков. Программа партии предусматривала отделение Кавказа от России на федеративной основе и образование автономий в районах, где преобладает мусульманское население. В 1907 году в Тифлисе возникла партия «Мудафие», которая придерживалась программы «Дифаи».

Большое влияние на развитие национального движения азербайджанских тюрок оказала младотурецкая революция 1908 года. В новых условиях пантюркизм из аморфного культурного движения стал превращаться в политически организованное движение. В декабре 1908 года в Стамбуле появилась организация для пропаганды тюркизма (культурно-академический «Тюркский кружок»). Ее председателем и главным теоретиком пантюркизма стал Зия Гекалп, выдвинувший идею «великого Турана», в рамках которого под эгидой Турции должны объединиться все тюркские народы. В состав «Тюркского кружка» вошли и эмигрировавшие из России азербайджанские турки – Ахмед-бек Агаев, Али-бек Гусейнзаде, Юсиф Акчурин, Мамед Эмин Расул-заде, которые быстро оказались под глубоким влиянием этой идеологии. По возвращении домой они принесли с собой четко оформленные идеи пантюркизма, превратившиеся после 1908 года в основное направление политической мысли закавказских мусульман.

Среди вернувшихся был и Расул-заде, который воспользовался объявленной в 1913 году царским правительством амнистией. Оказавшись в Баку, он сразу же присоединился к образовавшейся в 1911 году партии панисламистской направленности «Мусават». Между тем в своих статьях он четко разграничивал понятия «умма» (религиозная общность) и «миллет» (нация). С его точки зрения, нацией можно называть человеческую общность, объединенную языком, религией, литературой и историей; при этом религия играет подчиненную роль.

В это время на страницах закавказской прессы шла ожесточенная полемика по вопросу литературного азербайджанского языка. Вся интеллигенция разделилась на два лагеря: «османчилар» – сторонников османского языка как единственного выразителя тюркского культурного наследия и «азеричилар» – сторонников местного азербайджанского языка, понятного широкой читательской массе. Расул-заде предложил компромисс, заключавшийся в создании нового очищенного турецкого языка, состоящего исключительно из тюркских слов. Но вопрос был не в языке, речь шла о соперничестве в сознании местной интеллигенции двух национально-культурных и политических проектов – турецкого (огузского) и местного азербайджанского. Помимо этого в этой же интеллектуальной среде существовало понимание единства культуры и истории тюркских народов в границах Российской империи, что являлось основой для еще одного проекта.

Таким образом, накануне Первой мировой войны поиски национальной идеи закавказских тюрков не были завершены. Более того, надо констатировать, что они пока затрагивали только узкую прослойку местной буржуазии и интеллигенции. Широкие слои мусульманского населения, всколыхнувшиеся в период первой революции, снова пришли в инертное состояние и не проявляли никакой политической активности.

ЗИМА И ВЕСНА 1917 ГОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАН ЗАКАВКАЗЬЯ

Февральская революция сразу дала новый толчок развитию национальных движений на территории бывшей Российской империи. С особым восторгом встретили мусульмане первые постановления Временного правительства, где обещалась свобода слова и собраний, отмена сословных и религиозных ограничений. Координирующим центром политической активности мусульманского населения страны стала мусульманская фракция Государственной думы. По ее инициативе 20 марта 1917 года был организован митинг петроградских мусульман, которым руководил депутат от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний М.-Ю. Джафаров. На следующий день в особой записке фракция предложила правительству направить во все ведомства, деятельность которых связана с мусульманским населением, а также в регионы, где мусульмане составляют большинство населения, лиц, хорошо знакомых с условиями их жизни. Предложение было принято, и уже 22 марта при формировании Особого закавказского комитета (ОЗАКОМа) в число комиссаров был включен М.-Ю. Джафаров.

Высокая степень общественно-политической консолидации российских мусульман, проявившаяся в первые месяцы революции, объясняется их четким осознанием себя как единой религиозной общины с общими проблемами и нуждами. В то же время различия в культуре в социально-экономических и политических условиях жизни мусульман различных регионов рухнувшей империи неизбежно вели к разногласиям в понимании задач оформившегося общероссийского движения. Эти разногласия особенно остро проявятся в мае 1917 года на 1-м Всероссийском мусульманском съезде при обсуждении вопроса о форме государственного устройства бывшей империи.

На Кавказе сообщение об отречении Николая II первым получил тогдашний наместник великий князь Николай Николаевич, попытавшийся сохранить прежний административный порядок в крае. Однако уже 16 марта состоялось собрание представителей районов и отдельных предприятий Тифлиса под председательством Ноя Жордания, на котором было решено образовать Тифлисский Совет рабочих депутатов. Образованный по его инициативе Временный исполнительный комитет обратился в правительство с просьбой «незамедлительно командировать на Кавказ одного или нескольких комиссаров из числа видных общественных деятелей». Вскоре из Петрограда была получена телеграмма с сообщением о создании 22 марта Временным правительством Особого закавказского комитета, который уже выехал в Тифлис. В его состав вошли члены Государственной думы В.А. Харламов (председатель), М.И. Пападжанов, М.Ю. Джафаров, князь К. Абашидзе и П.Н. Переверзев, что вызвало недовольство со стороны Тифлисского Совета [9]. Последний настоял на включении в состав своего представителя, в результате чего там вместо Переверзева появился меньшевик А. Чхенкели, что значительно укрепило позиции Совета рабочих депутатов в Закавказье.

Довольно решительный характер события приняли в Баку. Узнав 15 марта о революции, рабочие на следующий день объявили всеобщую «приветственную» забастовку. На большом митинге, состоявшемся во дворе городской управы, было решено послать приветственную телеграмму в адрес Временного комитета Государственной думы. В ночь на 18 марта был создан новый орган власти из представителей общественных организаций – Бакинский временный исполнительный комитет, в состав которого вошли представители городского самоуправления, Совета рабочих депутатов, кооперативов, профсоюзов, продовольственного совещания. Одновременно с его организацией возник и Совет рабочих депутатов, председателем которого был избран известный революционер Степан Шаумян. Организацию новой власти в уездах взял на себя Бакинский совет сельского хозяйства.

Прибыв 30 марта в Тифлис, члены Особого закавказского комитета поспешили выпустить воззвание к населению с изложением программы деятельности. В ближайшем будущем ОЗАКОМ намеревался обеспечить осуществление свободы совести, привлечь к управлению местные общественные силы, ввести выборный мировой суд и так далее. В воззвании особенно подчеркивалось, что «вопросы, имеющие общегосударственное значение, как-то: национальный, церковный, аграрный и рабочий – могут получить окончательное разрешение лишь в Учредительном собрании» [10].

Первые мероприятия ОЗАКОМа были поддержаны резолюциями двух краевых съездов [11]. В них делегаты высказались за проведение политики коалиций и соглашений, которая позволит объединить все политические силы края для достижения главной цели – создания демократической республики. Окончательное решение таких важных вопросов, как рабочий и национальный, оба съезда оставляли за Учредительным собранием. Таким образом, к концу мая 1917 года ясно определился характер краевой власти. Она оказалась достаточно независимой от Петрограда и в то же время зависимой от местных политических сил. Отсюда ее стремление к компромиссам и соглашениям, особенно при решении таких острых вопросов, как национальный, рабочий и аграрный. Это создавало условия для широкой деятельности как социалистических, так и национальных партий и организаций.

В первые дни после революции организации закавказских мусульман находились в инертном состоянии, не предпринимая никаких действий. Не удивительно, что в появившихся структурах новой власти они были представлены минимально. Только получив обнадеживающие известия из Петрограда, от членов своей думской фракции, 22 марта руководители различных бакинских мусульманских обществ организовали торжественный раут, на котором был решен вопрос о приветственной телеграмме Временному правительству. Следующим шагом стала организация единого политического центра тюрков-мусульман Закавказья, вопрос о котором обсуждался на собраниях представителей мусульманской интеллигенции. На втором из них, прошедшем 9 апреля под председательством Хойского, было избрано Национальное бюро Временного комитета Совета бакинских мусульманских общественных организаций. В его исполнительный комитет вошли А. Топчибашев и Ф. Хойский, их заместителями стали Н. Нариманов и А. Амирджанов.

В это же время в Гяндже 15 апреля состоялся учредительный съезд Тюркской партии федералистов. На многолюдном митинге, проходившем под лозунгами «Да здравствует демократическая республика!» и «Да здравствует автономия Азербайджана!», была зачитана политическая программа партии, основные идеи которой были заимствованы ее основателем Насиб бек Усуббековым из аналогичного документа турецкой партии федералистов. Руководствуясь национально-демократическими принципами, партия ставила своей политической задачей осуществление: «а) демократической республики на национально-территориально-федеративных началах, вообще, в России, и в частности: б) территориальной автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии, а также: в) национальной автономии поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей». Автономные единицы должны были получить полную независимость в своих внутренних делах (административных, финансово-хозяйственных, культурных и в судопроизводстве). В юрисдикции федеральных властей оставались лишь вопросы обороны, внешней политики, денежной системы и таможни [12].

В отличие от Тюркской партии федералистов Бакинский комитет не спешил с обнародованием политической программы до созыва общемусульманского закавказского съезда. Для него гораздо важнее было заявить о себе как о политическом центре мусульман Закавказья. В воззвании от 19 апреля говорилось: «В целях ознакомления широких мусульманских масс с исторической важностью переживаемого момента, объединения всех мусульманских общественных сил, путем создания соответствующих организаций, для выяснения и популяризации национально-политических идеалов, образовался Совет мусульманских общественных орга-

низаций, который избрал из своей среды временный Комитет, именуемый „Комитетом Бакинских мусульманских Общественных Организаций...“» [13]. В целом апрель 1917 года оказался ключевым в процессе политического оформления мусульманского национального движения в Закавказье.

ПЕРВЫЙ ОБЩЕКАВКАЗСКИЙ СЪЕЗД МУСУЛЬМАН. На этот съезд, открывшийся в Баку 28 апреля, съехалось около 300 делегатов – представителей мусульман Азербайджана, Грузии и Армении. В центре общего внимания оказался вопрос о будущем политического устройства России. На съезде блистал своим красноречием и приобретенным в период эмиграции в Турции знанием политических формул тюркского национализма М.Э. Расул-заде, потребовавший предоставления национальным группам России права свободного самоопределения. Обособленные таким путем отдельные народы России, по мнению Расул-заде, образовали бы затем государственный союз, основанный на принципе национально-территориальной автономии.

Его главными оппонентами выступили сторонники панисламистского движения и социалисты. Первые утверждали, что идея национально-территориальной автономии только разобщает мусульманские народы, социалисты же говорили о расколе революционного движения. Съезд после длительного обсуждения постановил признать, что «формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на федеративных началах. Съезд также признал необходимым „создание одного центрального общемусульманского органа для всей России с законодательными функциями“ [14].

Серьезное внимание было обращено на вопрос о народном образовании. По докладу Э. Эфенди-заде была принята резолюция „О необходимости всеобщего, обязательного и бесплатного обучения на тюркском языке“. Осознавая важность открытия новых учебных заведений в деле формирования национального самосознания, делегаты постановили учредить специальный фонд для финансирования этого направления. Первое пожертвование в фонд в размере 50 тыс. рублей сделал Г.З. Тагиев. В заключительный день съезда было принято постановление об организации мусульманских национальных комитетов на Кавказе и создании двух временных центральных бюро для Северного Кавказа и Закавказья. Для ведения дел всего Кавказа в Тифлисе предполагалось создать особый орган, состав которого избирался из представителей двух временных бюро.

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД. Только в Баку завершил свою работу Первый общекавказский съезд, как в Москве 1 мая открылся Всероссийский мусульманский съезд. Среди множества намеченных к рассмотрению задач первым по своей значимости стоял вопрос о форме государственного устройства России, обсуждение которого тут же раскололо всех делегатов на два лагеря. Одна часть выступала за создание федерации с национально-территориальными автономиями, другая – за унитарное государство с широким областным самоуправлением и принципом национально-культурной автономии.

Идею федеративного государства активно отстаивал Мамед Эмин Расул-заде. В лучших традициях „Тюркского кружка“ в Стамбуле он блестяще представил делегатам съезда апологию местного тюркского национализма. Начав с общего вопроса – что такое нация? – он сначала последовательно отделил понятие нации от религии (ислама). „Вопрос, который нужно задать, таков: что есть нация? Я уверен, что наиболее важные черты нации состоят из языковых и исторических связей, из общности обычаев и традиций. Иногда можно услышать, что Ислам является олицетворением нации, поскольку, если тюрко-татарина спрашивают о его национальности, он отвечает: я мусульманин. Но это ошибочная точка зрения... Не существует христианской национальности и точно так же не существует и исламской национальности. В

этом большом мусульманском доме должны иметься отдельные комнаты для тюрков и арабов“. Далее он отделил понятие „единой тюркской нации“ от реально существующих самобытных тюркских народов: „Тюрко-татарские нации имеют общие корни. Вместе с тем, неопровержим и тот факт, что они говорят на отдельных диалектах и отличаются своими особенностями. У поволжских татар сегодня имеется собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов не согласится отказаться от своей сущности. Азербайджанские турки также не откажутся от своего языка, литературы и обычаев“. Эта речь вызвала большой отклик со стороны делегатов других национальных окраин, что и предопределило итоговое решение съезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.